

Карлос Флорес Хубериас

**Антиевропеизм и евроскептицизм:
анализ ситуации после расширения
Европейского союза на восток**

– *What news abroad?*
– *No news so bad abroad as this at home:*
The King is sickly, weak, and melancholy,
And his physicians fear him mightily
– *Now by Saint Paul, that news is bad indeed.*
O he hath kept an evil diet long ...
(William Shakespeare: *Richard III*, 1.1)

**Крушение планов: французско-голландское «нет»
Конституционному договору и его история**

После безоговорочного отвержения французскими и голландскими избирателями европейского Конституционного договора в ходе референдумов в мае и июне 2005 г. стало вполне ясно, что появилась значительная оппозиция и возникло недовольство по поводу процесса политической и экономической интеграции, осуществляемого Евросоюзом.

Здесь имеется в виду общеизвестный взгляд или даже определенная позиция, которая в течение длительного времени выступает на европейской политической сцене. Достаточно упомянуть хотя бы сначала датское «нет» Маастрихтскому соглашению и принятие этого договора незначительным большинством голосов французских избирателей в июне 1992 г., а также ирландское «нет» договору в Ницце в 2001 г. или же,

наконец, своеобразную позицию Великобритании по отношению к Европейскому союзу¹. Это отношение, однако, никогда раньше не проявлялось с такой силой и не приводило к таким разительным результатам. Возможно, по той причине, что наличие оппозиции по отношению к интеграции европейского континента в рамках ЕС систематически отрицалось и считалось временным. Выражалось убеждение, что здесь мы имеем дело исключительно с разногласиями по отдельным малозначительным вопросам, которые существуют в странах, имеющих второстепенное значение и поэтому не играющих существенной роли в целостном процессе европейской интеграции. Предпринимались попытки доказать, что это проявление сугубо националистической и консервативной позиции в пределах европейского политического спектра. Подчеркивалось одновременно, что она влечет за собой только хаос и дезинтеграцию и не создает реальной альтернативы процессу политической и экономической интеграции.

Однако двойное французское и голландское «нет» обозначает необходимость пересмотра всех тех позиций, роль которых многократно безответственно умалялась, а также оценивалась как малозначимая. Новая ситуация заставляет нас согласиться с этими разногласиями и принять их как элемент европейской действительности. Она побуждает нас также к проведению классификации этих позиций, чтобы лучше понять и рассмотреть разнообразные и зачастую противоречивые причины их возникновения. Следовало бы также задуматься о включении в политический дискурс некоторых из этих позиций с целью вернуть поддержку процессов, связанных с реализацией европейского проекта, так как эта поддержка с течением времени была утрачена. Необходимость действовать в этом направлении становится особо

¹ Подробнее об этом см.: K. Siune, *The Danes Said No to the Maastricht Treaty. Danish EC Referendum on June 1992* // Scandinavian Political Studies No 16/1, 1993, p. 93-103; J. Ruane, *Nationalism and European Community Integration, The Republic of Ireland* // V.A. Goddard (ed.), *The Anthropology of Europe: Identities and Boundaries in Conflict*, Berg Publishers, Oxford, 1994, p. 125-141, S. George, *Britain: Anatomy of an Eurosceptic State* // European Integration, No 22/1 2000.

злостной, если учесть результаты анализа опросов общественного мнения, проводившихся среди французских и голландских избирателей, проголосовавших на референдумах против Конституционного договора². Относительно решения французских избирателей³ указывается на связь вопроса Конституционного договора с напряженной общественно-политической обстановкой в стране (если так было на самом деле). 31% проголосовавших «против» указывали на отрицательные последствия принятия Конституции ЕС для уровня безработицы, 26% - на плохое экономическое положение страны и 18% свое решение связывали с критическим отношением к президенту Ж. Шираку и его правительству. Определенную роль сыграла также критика самой формы конституционного соглашения и недовольство по поводу принятых последних решений относительно процесса европейской интеграции. 19% проголосовавших «против» причины своего решения усматривали в излишней либеральности Конституционного договора, 16% указывали на отсутствие в Конституции элементов социальной защиты. В оценке 12% проголосовавших «против» Конституционный договор оказался чрезмерно сложным, для 6% решающее значение имело признание Турции кандидатом на присоединение к ЕС, в оценке 5% принятие Конституционного договора угрожало потерей суверенитета, а 4% считали себя противниками Европы и европейского проекта⁴. Заслуживает внимания также то, что явка избирателей на выборы оказалась особенно высокой среди людей старшего поколения и рабочих. В обеих названных группах среднее количество голосов «против» превысило процент голосов, полученных в среднем по стране. 76% рабочих проголосовало против Конституции, тем самым

² Более подробно на эту тему см.: G. Ricard-Nihoul, M. Larhant, *Cómo explicar lo inesperado: una evaluación del referéndum constitucional francés* // Análisis del Real Instituto Elcano, No 57, 2005, www.realinstitutoelcano.com.

³ *European Commission: Flash Eurobarometer 171: European Constitution. Post Referendum Survey France*, http://www.europarl.eu.int/press/Eurobarometer/index_en.htm.

⁴ *Ibidem*.

подтверждая тезис об отклонении проекта по причине того, что уверенности относительно будущего Европейского союза нет. Это решение нельзя, однако, отождествлять с отрицанием членства Франции в ЕС (83% голосовавших против Конституционного договора считают, что членство в ЕС является положительным фактом); оно не обозначает также того, что анкетированные отрицают потребность установить в Европе Конституцию ЕС (66% голосовавших «против» считают, что Конституционный договор является необходимым продолжением европейского проекта). Результаты опроса свидетельствуют, несомненно, о критической оценке нынешнего направления европейских интеграционных процессов и должны заставить нас заново проанализировать и переформулировать направление европейской интеграции согласно идее о социальной справедливости в Европе и интересам Франции⁵.

Что касается Голландии⁶, то проведенные опросы общественного мнения показывают, что, наряду с голосами избирателей, жаловавшихся на недостаток информации о Конституции ЕС, 1/3 проголосовавших против Конституционного договора назвала основной причиной своего решения недовольство нынешним направлением развития представленного в Конституции ЕС процесса интеграции, причем как в политической, так и экономической сферах. 19% голландцев проголосовало «против» из-за опасения потерять национальный суверенитет, 13% обращали внимание на высокие административные расходы ЕС, 8% голосов указывали непосредственно на несогласие принять европейский проект и, наконец, 6% объясняли свой выбор отсутствием каких бы то ни было положительных элементов в Конституционном договоре, выдвигая упрек в том, что интеграция осуществляется слишком быстрыми темпами, при этом ей сопутствуют излишняя технократия и построение весьма далеко идущих

⁵ *Ibidem.*

⁶ *European Commission: Flash Eurobarometer 172: European Constitution. Post Referendum Survey in The Netherlands*, http://www.europarl.eu.int/press/Eurobarometer/index_en.htm.

планов. Кроме того, 5% проголосовавших «против» объясняли свой выбор по-разному, указывая на отсутствие демократии, излишнюю сложность, далеко идущий либерализм, навязывание гражданам этого договора, а также желание выразить свое несогласие по отношению к проекту федеративной Европы, которая — по их мнению — развивается слишком быстрыми темпами⁷. Подводя итоги, можно сказать, что голландцы на референдуме 1 июня 2005 г. выражали свое недовольство по поводу функционирования отдельных европейских институтов. Они дали понять, что их не совсем убедили в необходимости принять конституцию. И если даже намечается ввести ее в жизнь Европы, то конституция должна содержать социальные компоненты и в большей мере учитывать национальные интересы Нидерландов. Одновременно голландцы выразили одобрение и поддержку своему членству в Европейском союзе (82% по-прежнему считают ЕС положительным фактом)⁸.

Двойное французско-голландское «нет» не является исключением, а всего лишь очередным примером позиции (наиболее наглядным и дестабилизирующим ЕС), которая год от года укрепляется среди европейских граждан. Эта позиция в широком употреблении получила название «евроскептицизм». Однако результаты всенародного голосования, проведенного во Франции и Голландии, стали в некотором смысле сюрпризом, который мог предвидеть исключительно футуролог. Вопреки первым симптомам этих настроений, которые существуют в обществе по меньшей мере на протяжении этого десятилетия, проявившись по крайней мере дважды в последние годы: в июне 2004 г. на выборах в Европарламент и в течение 2003 г. в связи с ратификационным референдумом, касающимся расширения ЕС и присоединения 10 новых стран-членов.

⁷ *European Commission: Flash Eurobarometer 172...*, p. 15.

⁸ *Ibidem*.

Особенности выборов в Европарламент в новой расширенной Европе – это крайне низкая явка на выборы, огромная популярность политических партий, оппозиционных ЕС (евроскептиков), сдвиг европейского электората в сторону правых партий, а также использование евровыборов с целью выразить свое недовольство политикой, осуществляемой отдельными национальными правительствами.

Рост численности избирателей, которые воздержались от голосования (участие в выборах приняли всего лишь 45,7% от общего количества избирателей, т. е. на 4% меньше по сравнению с выборами 1999 г., что является новой рекордной величиной в истории ЕС), вызвал замешательство и стыд. Во многих европейских странах, прежде всего в Словакии, Польше, Эстонии и Чехии, количество проголосовавших не превысило 1/3 общего количества избирателей⁹. Однако принятие неявки избирателей в качестве единственного показателя недоверия к европейскому проекту, без учета многих других факторов, было бы, пожалуй, чрезмерным упрощением. В результате проведенных послевыборных опросов общественного мнения оказалось, что уровень информированности избирателей о кандидатах и их программах был зачастую недостаточным. Несмотря на постоянное развитие европейской интеграции на протяжении последних десятилетий и усилия приблизить к европейцам различные евросоюзные институты, у многих из них (в первую очередь, в новых странах-членах) возникают серьезные проблемы с пониманием влияния Европейского союза на повседневную жизнь его граждан, так же, как и с определением роли и значения Европарламента на фоне сложной конструкции евросоюзных институтов. В этой ситуации тревожные показатели

⁹ Сопоставительные данные приводятся в источнике: С. Flores Juberías, *El nuevo mapa político de la Unión Europea. Seis observaciones en torno a las elecciones europeas de 2004 en los viejos y los nuevos Estados miembros de la Unión* // Revista Valenciana d'Estudis Autònoms, № 43/44 (2005), p. 182-213, 186-190. Эти данные можно также сопоставить с источником: Н. Schmitt, *The European Parliament Elections of June 2004: Still Second-order?*, www.europeanelectionstudies.net.

низкой явки избирателей на последних выборах в Европарламент только частично можно объяснить тем фактом, что европейские граждане сознательно отвергли процесс интеграции. С другой стороны, голосование за политические партии, известные своей евроскептической позицией, можно рассматривать как красноречивый знак протеста против нынешней ситуации, характерными признаками которой являются отсутствие информации, незнание роли Европейского союза в нашей повседневной жизни, уменьшение значения Европарламента, а также понижение доверия к политическим элитам и апатия большей части европейского общества.

Что касается упоминавшегося выше роста популярности партий, оппозиционных по отношению к нынешнему направлению развития процесса европейской интеграции, то относящиеся к новым странам-членам цифры говорят сами за себя (см. таблицу № 1). На Мальте, в Венгрии и Словении максимальное количество голосов получили: мальтийская «Партия труда» (48,4% голосов — 3 места в парламенте), «Союз молодых демократов» в Венгрии (47,4% голосов — 12 мест в парламенте), «Гражданская демократическая партия» (30% - 9 мест в парламенте), Союз «Отечество и Свобода» (29,6% - 4 места), «Новая Словения» (23,6% - 2 места). Кроме этих партий, немалую поддержку избирателей завоевали также политические группировки, которые нынешний курс европейской интеграции подвергали гораздо более радикальной критической оценке. Эти партии добились на выборах результатов, благодаря которым их депутаты имеют в Европарламенте возможность оказывать более значительное влияние, чем когда-либо раньше. Не ставя целью представить здесь все евроскептические партии, следует, однако, упомянуть о кипрской AKEL (27,9% - 2 места), финской партии «Центр» (23,4% - 6 мест), Коммунистической партии Чехии и Моравии (20,3% голосов и 6 мест), чешских «Свободных демократах» (8,2% голосов и 1 место), Движении «За демократическую Словакию» (17% и 3 места), «Партии центра» в Эстонии (17% и 1 место), британской «Партии независимости» (16,2% и

12 мест), «Лиге польских семей» (15,9% и 10 мест), партии «Право и справедливость» (12,7% и 7 мест), «Самооборона» (10,8% и 6 мест), «Польской народной партии» (6,3% голосов и 4 места), а также о шведском «Июньском списке» (14,4% - 3 места) и «Партии левых» (12,8% - 1 место). Следует назвать также «Фламандский блок» в Бельгии (14,3% голосов и 3 места) и «Список Ганса-Петера Мартина» (14% - 3 места), австрийскую партию FPÖ (6,3% и 1 место), а также *Sinn Fein* (11,1% голосов в Республике Ирландии и 26,3% в Ольстере, в обоих случаях по одному месту); французские партии – «Национальный фронт», *Mouvement pour la France* и Французскую коммунистическую партию (9,8%, 8,8% и 6,6% голосов и соответственно – 7 мест, в двух остальных случаях по одному месту); Коммунистическую партию Греции (9,5% голосов и 3 места); датские партии - *Juni Bevaegelsen*, Народную партию и «Единый список» (9,1%, 6,8% и 5,2% - каждая партия по одному месту); португальскую Коммунистическую партию и «Блок левых» (9% и 5% голосов, соответственно 2 и 1 место); голландскую *Europe Transparent* (7,3% - 2 места); итальянскую Партию коммунистического возрождения и «Северную лигу» (6,1% и 5 мест; 5% и 4 места); реформированных немецких коммунистов *PDS* (6,1% и 7 мест)¹⁰.

Непростой задачей является произведение точной оценки этого феномена, так как здесь имеются в виду группировки различных политических ориентаций, которые с разной степенью интенсивности подвергали критике нынешний проект европейской интеграции на основании самых различных предпосылок. Принимая, однако, в качестве основного критерия измерения отношение к проекту Конституции ЕС, являющееся, несомненно, одним из важнейших для будущего ЕС вопросов, который все европейские партии были вынуждены обсуждать публично и отношение к которому

¹⁰ Такие данные опубликовал Европарламент (www.elections2004.eu.int/elections.html); вся совокупность данных представлена в работе: С. Flores Juberías, *El nuevo mapa político de la Unión Europea...*, p. 200–205, которую можно сопоставить с источником: М. Adshead, J. Hill, *Elections to the European Parliament, June 2004: The 15 Established Member States, Electoral Studies* (2005).

Европарламенту пришлось выразить сразу, в самом начале своей деятельности, можно попытаться сформулировать предварительную оценку и констатировать, что феномен, получивший название «евроскептицизм», характерен по меньшей мере для 20% депутатов Европарламента и почти 30% избирателей в Европе. Эти факты показывают, что данный феномен заслуживает должного внимания.

Остается еще вопрос референдума, проводившегося на предмет ратификации последнего расширения ЕС в девяти из десяти новых государств-членов (т. е. кроме Кипра) между мартом и сентябрем 2003 г. Рассматривая эту проблему во временной перспективе, можно отметить, что в итоге самое важное значение проведенных плебисцитов сводится к заключительному результату – осуществлению 1 мая 2004 г. плана расширения Европейского союза. Однако поговорка «все хорошо, что хорошо кончается» может оказаться опасной, скрывая или не учитывая некоторые факторы, которые имеют существенное значение и как таковые подлежат рассмотрению. Представляется, что многие данные, опубликованные после проведенных референдумов, остались без внимания. Истинно то, что все проведенные референдумы закончились с положительным результатом и победителями оказались везде (кроме наименее представительного примера Мальты) проголосовавшие «за» (см. таблица № 2). Но истинным является также то, что в двух странах доля проголосовавших «против» превысила 1/5 общего количества голосов (в Польше – 22,5%, в Чехии – 22,6%), в следующих двух – 1/3 голосов (Латвия – 32,3% и Эстония – 33,1%). Появление этих линий политической и экономической демократии обусловило различное понимание и оценку Европейского союза¹¹. В результате этих

¹¹ Более подробно на тему референдума в Польше см.: С. Flores Juberías, *Polonia, en la vía de la adhesión: el referendun del 8 de junio de 2003* // R. Darío Torres Kumbrián, J. Luis González Esteban, G. Bernatowicz, J. Grodzka (ред.), *Polonia y España ante el futuro de la Unión Europea*, Universidad de Castilla La Mancha, Toledo 2003, p. 143-167. На тему чешского референдума см.: С. Flores Juberías, *Actitudes políticas ante la integración europea de la República Checa* // *Revista de Estudios Europeos*, № 29 (2001), p. 21-44.

различий, создающих в процессе европеизации победителей и побежденных, возникают основания для формирования и развития евроскептицизма.

Попытка определения и классификации: евроскептицизм и антиевропеизм

Определить, что такое евроскептицизм, — довольно непростая задача. Несмотря на то, что само понятие уже длительное время применяется в средствах массовой коммуникации и прочно вошло в политический дискурс, оно сравнительно недавно стало предметом научного анализа¹². Речь идет о понятии, определяющем (правда, далеко не всегда с надлежащей точностью, порой исходящем из противоположных предпосылок) позиции и стратегии, связанные с развитием отдельных аспектов актуального процесса интеграции. Необходимо, чтобы определение евроскептицизма было не только точным, но и носило оперативный характер. Следует добавить, что слишком узкое понимание евроскептицизма, которое можно было бы отнести лишь к некоторым самым радикальным евроскептикам, лишило бы нас возможности правильно оценить действительные масштабы этого явления. С другой стороны, слишком широкое понимание приведет к тому, что этот термин будет применяться по отношению ко всем лицам, партиям или правительствам, которые на определенном этапе принятия решения в ЕС проявляли бóльшую ангажированность по отношению к защите своих собственных интересов, чем их коллеги в других странах. В итоге ярлык евроскептика имели бы и те и другие, что приводило бы к выводу о том, что никто в Европейском союзе не свободен от этого пристрастия.

К счастью, возрастающее внимание к теме евроскептицизма вызвало в последние годы интерес аналитиков, что привело к

¹² Этот термин пришел из британской политической риторики, однако он получил широкое распространение после французского и датского референдума по вопросу Маастрихтского договора. См. подробнее в источнике: S. Milner, *Introduction: A Healthy Scepticism?* // *European Integration*, 2000, № 22, p. 1-13.

появлению многих работ на эту тему. И хотя специалисты только начали изучать данную тему, существующая литература все же позволяет сформулировать предварительное определение этого явления.

Таггарт и Щербяк¹³ предлагают различать два вида евроскептицизма: жесткий (*hard*) и мягкий (*soft*). Под первым понимается несогласие с идеей европейской интеграции и ее воплощением в виде Европейского союза, а также, в первую очередь, несогласие с участием своей страны в этом проекте. Второй вид евроскептицизма включает в себя целый ряд критических замечаний относительно союза; эту позицию можно рассматривать как выражение качественной оппозиции по отношению к определенным нынешним политическим действиям Европейского союза, которые не соответствуют интересам своего национального государства. Эта позиция не обозначает, однако, стремления к нарушению принципов функционирования Европейского союза и членства своей страны в его структурах. Кроме того, в рамках «мягкого» евроскептицизма Щербяк и Таггарт выделяют «*policy euroscepticism*» и «*national interest euroscepticism*»¹⁴. «*Policy euroscepticism*» - это решительное несогласие с определенными инициативами, направленными на укрепление процесса политической и экономической интеграции Европы, такими, как, например, Маастрихтский договор или введение евро. Зато «*national interest euroscepticism*» выражается в твердой защите своих

¹³ A. Szczerbiak, P. Taggart, *Theorising Party-Based Euroscepticism: Problems of Definition, Measurement and Causality* //Sussex European Institute Working Paper, 2003, № 69, p. 6. Здесь следует порекомендовать также другие работы этих авторов: *Opposing Europe: Party Systems and Opposition to the Union, the Euro and Europeanisation* //Sussex European Institute Working Paper 2000, № 36; *Parties, Positions and Europe: Euroscepticism in the EU Candidate States of Central and Eastern Europe* //Sussex European Institute Working Paper, 2001, № 46; *The Party Politics of Euroscepticism in EU Member and Candidate States* //Sussex European Institute Working Paper, 2002, № 51; а также работы П. Таггарта: *A Touchstone of Dissent: Euroscepticism in Contemporary Western European Party Systems* //European Journal of Political Research, 1998, № 33, p. 363-388, и совместную публикацию Щербяка и Таггарта: *Opposing Europe. The Comparative Party Politics of Euroscepticism*, Oxford University Press, Oxford (в печати).

¹⁴ A. Szczerbiak, P. Taggart, *Theorising Party-Based Euroscepticism...*, p. 6 и след.

национальных интересов на различных европейских форумах и в отдаче предпочтения им, а не общим интересам объединенной Европы, при постоянном декларировании своего «европейского кредо».

В настоящей статье понятие евроскептицизма¹⁵ используется в узком значении, т. е., следуя терминологии, предложенной вышеупомянутыми авторами, это так называемый «*soft euroscepticism*». С другой стороны, явление, которое Таггарт и Щербяк определяют как решительное несогласие с фундаментальной идеей европейской интеграции, получающей в наши дни воплощение в виде Европейского союза, мы будем называть «антиевропеизмом».

Серен Риискей предлагает другую типологию евроскептицизма, более сложную и поэтому менее пригодную к употреблению. Она в меньшей степени учитывает интенсивность несогласия и в большей — причины возникновения несогласия по вопросу европейского проекта¹⁶. Поэтому данная типология может оказаться более действенной, прежде всего в ситуации, когда понадобится определить все разнообразие позиций, связанных с критикой действующей модели европейской интеграции. Датский ученый пишет о евроскептицизме так:

«*Identity based*»: евроскептицизм, обусловленный дихотомией «национальная идентичность или европейская идентичность». Этот вид евроскептицизма увеличивается из-за боязни потерять свою национальную идентичность в пользу наднациональных организаций;

¹⁵ Как считает Мария Молинер, скептиком является тот человек, который «сомневается кое в чем, или же не верит в определенные идеи, или в общем склонен сомневаться, а также не склонен верить». См.: M. Moliner, *Diccionario de uso del español* (2 ed.), Gredos, Madryt 1998, t. I, p. 1175). *Oxford English Dictionary* содержит термин «евроскептицизм», его происхождение связывается со статьей, посвященной Маргарет Тэтчер и опубликованной в газете «Таймс» в 1986 году: «a person, esp. a politician, who is sceptical about the supposed benefits to Britain of increasing co-operation with the fellow members of the European Union, esp. one who strongly opposes greater political or economic integration».

¹⁶ См.: S. Riishøj, *Europeanisation and Euro-scepticism. Experiences from Poland and the Czech Republic* // *Central European Political Studies Review*, 2004, № 6/4, p. 5-6.

«*Cleavage-based*»: обусловлен имеющимися общественно-политическими различиями, а также убеждением в том, что европейская интеграция приведет к разделению общества на победителей и побежденных;

«*Policy-based*»: евроскептицизм, генерируемый на основе несогласия с конкретными проявлениями евросоюзной политики, такими, как, например, введение евро, политика в области сельского хозяйства, свободное перемещение людей;

«*Institutionally-based*»: обусловлен убеждением в том, что европейские институты не имеют достаточно легитимного статуса и отличаются небольшой эффективностью по сравнению с национальными институтами, а также уверенностью в том, что европейские структуры страдают от дефицита демократии;

«*National interest-based*»: основан на противопоставлении жизненных интересов народа и требований процесса европейской интеграции;

«*Experience-based*»: евроскептицизм, возникший на почве плохого опыта и неприятного впечатления от пренебрежительного отношения со стороны европейских институтов; причем нередко этот опыт сформировался уже во время переговоров о вступлении;

«*Party-based*»: возникает сверху в результате проявления силы харизматических партийных лидеров, для которых характерен ультралиберальный, консервативный или левопопулистский дискурс;

«*Atlantic-based*»: евроскептицизм, распространяющийся в результате все более отчетливого проявления противоречия между европеизмом и проатлантической позицией. Во многих странах Европейского союза выражается несогласие со стремлением отойти от проатлантических позиций, главным образом при формировании внешней и оборонной политики.

Не отрицая пригодности представленной выше классификации, которая является полезным источником информации, позволяющей лучше понять феномен евроскептицизма, мы

считаем, однако, что более простая типология, объединяющая при помощи нескольких основных категорий главные направления аргументации, применяемой противниками актуального процесса развития европейской интеграции, оказалась бы более оперативной и в результате более полезной. Поэтому в настоящей работе используется вторая типология, автором которой является С. Риисхей. В ней выделяются, как минимум, 3 типа позиций, стоящих в оппозиции к нынешнему процессу европейской интеграции, от наиболее радикальной к более умеренным¹⁷.

1. В первую группу входят те, кто критикует с националистических, суверенитетных, крайне правых или консервативных позиций. Они недовольны тем, что формируется европейское сверхгосударство, которое в будущем приведет к ликвидации независимости государств-членов, а также к уничтожению чувства национальной идентичности. Представляется, что здесь выступает тот вид евроскептицизма, который Риисхей предлагает называть «*traditional-conservador*». Однако, на наш взгляд, трудно считать это определение точным, поэтому мы предлагаем другой термин – националистический евроскептицизм. Он охватывает те группировки, которые однозначно высказывают свое мнение по данному вопросу, такие, как английские консерваторы, польская партия «Право и справедливость», французские *Mouvement pour la France* и «Народный фронт», итальянская «Северная лига», бельгийский «Фламандский блок» и австрийская FPÖ.

2. Во второй блок входят партии, которые активно используют лозунги борьбы с коррупцией и бюрократической системой, существующей в Европейском союзе, а также с его отчуждением и отдаленностью от европейских граждан. Здесь имеется в виду либерально-консервативный евроскептицизм, который, по-видимому, целесообразнее было бы назвать ультралиберальным. К этому блоку можно отнести группировки различной идеологической направленности, требую-

¹⁷ *Ibidem*, p. 6.

щие во имя подлинного европеизма установления действительной и партиципационной демократии, которая покончит с дефицитом демократии в Европейском союзе. Эти группировки образуют в подавляющем большинстве партии-меньшинства, имеют совсем недолгую историю и зачастую собираются вокруг аутсайдера национальной политики. Они выступают практически исключительно в консолидированной демократии, к этому типу группировок можно отнести австрийский «Список Ганса-Петера Мартина», «Июньский список» и голландскую *Europa Transparente*.

3. В третий блок входят группировки, представляющие «левопопулистский» евроскептицизм, которые критикуют антиобщественный характер нынешнего процесса интеграции в Европейском союзе. В этой перспективе — несомненно под влиянием социокommунистической идеи в сочетании с популизмом — Европейский союз представляется как бастион многонационального капитализма. Поэтому во имя Европы, более социальной и равноправной, необходимо выступить против ЕС. Именно такую позицию занимает большинство коммунистических партий старой и новой Европы, таких, как немецкая *PDS*, итальянская Партия коммунистического возрождения, греческая *ККЕ*, французская *РСF*, испанская *IU*, чешская Коммунистическая партия, а также экологические партии в Бельгии и Швеции.

Подводя итоги нашего анализа, мы отметим, что определение евроскептицизма целесообразно представить в рамках одной двухуровневой классификации. С одной стороны, сравнивая уровень интенсивности протеста против проекта европейской интеграции, мы имеем возможность отграничить антиевропеизм от евроскептицизма, иначе говоря — «жесткий» евроскептицизм от «мягкого»; с другой стороны, мы можем четко дифференцировать партии с учетом мотиваций или подоплеку событий, которые вызвали к жизни

данное явление, отделяя националистический протест от ультралиберальной и левопопулистской ориентации¹⁸.

Евроскептицизм после расширения ЕС: общие замечания

Как считают Таггарт и Щербяк, несогласие с нынешним курсом европейской интеграции вырастает из самых разных идеологических позиций. При этом они утверждают, что в отдельных странах Евросоюза выступают различные модели евроскептицизма в зависимости от того, какое положение они имеют в европейском контексте и как они коррелируют с другими имеющимися политическими силами¹⁹. Это не является, однако, препятствием для формулировки неких общих выводов, тем более что вступление в Европейский союз десяти новых стран-членов и связанный с ним «Большой взрыв» 1 мая 2004 г. создают возможность заново оценить и определить данный вопрос.

Обобщая основные положения упоминавшихся выше авторов, можно представить их следующим образом²⁰:

1. Распределение евроскептицизма в рамках европейских партий осуществляется по обе стороны политической оси, ибо невозможно связывать евроскептицизм исключительно с левыми или правыми силами. Следовательно, «позиция политической партии на оси *левые-правые* отнюдь не обозначает, что данная партия считается или не считается евроскептической».

2. «Позиция политической партии в национальных партийных системах всегда зависит от выражаемого ею евроскептицизма», поэтому анализ развития этого феномена в определенной стране способствует лучшему пониманию принципов стратификации данной политической системы.

¹⁸ Известны многие другие типологии, ср., например: P. Kopecky, C. Mudde, *The Two Sides of Euroscepticism: Party Positions on European Integration in East Central Europe* / / *European Union Politics*, 2002, № 3/3, p. 297-326.

¹⁹ A. Szczerbiak, P. Taggart, *Parties, Positions and Europe...*, p. 6.

²⁰ *Ibidem*.

3. «Уровень евроскептицизма, который демонстрируют различные партии, не всегда соответствует уровню евроскептицизма в обществе».

4. Членство в ЕС или ожидание быстрого достижения этой цели, как правило, усиливают евроскептические настроения.

5. «Жесткий» евроскептицизм, который в настоящей статье получил название антиевропеизма, имеет по количественной шкале меньшее значение, чем «мягкий» евроскептицизм.

6. Чем дольше данная страна существует как независимая и суверенная, тем менее вероятным становится появление евроскептицизма. Имея в виду наличие внутренней однородности или ее отсутствие, государства, которые недавно приобрели независимость, должны по идее демонстрировать более высокий уровень евроскептицизма, чем страны с длительной традицией государственной независимости.

Как уже было сказано выше при рассмотрении типологии евроскептицизма, этот феномен не является наследием ни левых, ни центристских, ни правых сил. Наряду с объяснением данного вопроса были представлены причины отклонения Конституционного договора во Франции и Нидерландах, а также список евроскептических группировок, участвовавших в последних евросоюзных выборах — начиная от самых правых коммунистических и заканчивая самыми радикальными националистическими партиями. Следует, однако, отметить, что евроскептические левые группировки всегда отличались по своему значению и не шли ни в какое сравнение с правыми евроскептиками. Последнее расширение Европейского союза оказало двойное воздействие на рост это дисбаланса: на политическом уровне — перемещая центр тяжести в сторону правых группировок — и на географическом — передвигая его на восток.

Согласно традиции, до пятого этапа расширения Европейского союза более важное значение имел левый евроскептицизм для южноевропейских стран, в которых французские, греческие, португальские, испанские и итальянские коммунисты получали в среднем около 10% голосов избирателей. С

другой стороны, либеральные евроскептики лучшие свои результаты показали в развитых странах Центральной и Северной Европы: в Финляндии, Швеции и Дании. Евроскептицизм, основанный на идентичности, своими корнями уходил в страны, в которых сформировались консолидированные, радикальные правые силы (как, например, во Франции и Австрии), а также в государствах, которым свойственны сильные националистические напряженности. К числу последних можно отнести Италию, Бельгию, а также традиционно Великобританию, в которой Консервативная партия была и остается до сих пор главным бастионом евроскептицизма²¹.

Однако следует подчеркнуть, что в результате расширения ЕС только треть из названных выше направлений евроскептицизма укрепило свои позиции, причем до такой степени, что – как нам представляется – можно даже утверждать, что евроскептицизм станет в ближайшее время синонимом консервативного национализма, имеющего по традиции антимодернистский характер и выступающего против доминирующей динамики интеграционного процесса. Этот тезис можно легко подтвердить, анализируя хотя бы результаты выборов в Европарламент. На выборах 2004 г. «избиратели в посткоммунистической Европе значительно чаще голосовали за правых кандидатов, чем в группе 15-ти старых членов Евросоюза»²². Достаточно сказать, что если первые три левые партии Европарламента (Европейская социалистическая партия, Зеленые/Европейский свободный альянс, Блок левых партий/Зеленые левые партии Северной Европы) получили 243 мандата из 570 возможных в группе 15-ти старых членов ЕС (42,5%), то в группе 10-ти новых государств-членов им удалось выиграть всего лишь 40 мандатов (24,6%). В новых странах-членах фракция Европейская народная партия/Европейские демократы получила 69 мест с результатом 42,4%, в то время

²¹ См.: D. Baker, A. Gamble, D. Seawright, *Sovereign Nations and Global Markets: Modern British Conservatism and Hyperglobalism* // *British Journal of Politics and International Relations*, 2002, № 4/3, p. 399-428.

²² C. Flores Juberías, *El nuevo mapa político de la Unión Europea...*, p. 199.

как две ультраправые группировки — Демократия/Независимость, а также группа «Союз за Европу наций» и нефракционные депутаты (в основном также евроскептики) получили в новых странах-членах 20,8% мест, т. е. в два раза больше по сравнению со старыми 15-тью евространами. Следовательно, расширение Европейского союза на восток обозначало появление на политической сцене ЕС политических сил явно правого толка; при этом группировки, наиболее критически настроенные по отношению к нынешнему процессу европейской интеграции, придерживаются в подавляющем большинстве консервативной ориентации. Это показывает, что хотя евроскептицизм представляет собой феномен, охватывающий весь политический спектр, то ныне мы имеем дело с самыми различными проявлениями интенсивности этого явления.

Существует положение о взаимосвязи между позицией политической группировки в национальной партийной системе и тенденцией к евроскептицизму, согласно которому политические партии — как правящие, так и планирующие перехватить власть — могут рассчитывать получить пользу в случае поддержки нынешнего направления европейской интеграции, так как они являются протагонистами этого процесса, или же могут возлагать надежды на завоевание в парламенте большинства голосов тех избирателей, которые считают себя европеистами. Оппозиционным партиям и прежде всего тем, кто занимает периферийную позицию в партийной системе и лишен возможности участвовать в процессе принятия решений, выгодно и выражать постоянно свой протест, и предлагать альтернативные модели интеграции. Благодаря этому они могут играть роль защитника тех общественных групп, которые в данное время чувствуют себя пострадавшими в результате осуществления евросоюзной политики. В этом смысле европеизм цементирует в рамках партийной системы основные партии — как правящие, так и оппозиционные. Евроскептицизм и антиевропеизм, в свою очередь, укрепляют в национальном политическом спектре позицию группировок маргинального характера.

Обзор актуальной политической обстановки в Европе двояким образом подтверждает представленное положение. С одной стороны, в настоящее время в Европейском союзе нет ни одной страны, в которой при власти были бы партии, открыто называющие себя евроскептическими, хотя многие правительства формируются ныне с участием группировок, ставящих интересы своего народа выше общих европейских. С другой стороны, сильную поддержку осуществляемому в настоящее время европейскому проекту оказали представители трех основных идеологических направлений в Европе: христианские демократы, либералы и социал-демократы. Они входят в состав трех самых значительных групп Европарламента, их представители стали членами правительств в 24 из всех 25 стран ЕС. Этот факт отличает их от евроскептических группировок, которые, как правило, не участвуют в управлении страной. Единственным отключением из этого правила являются, по всей вероятности, кратковременные периоды правления коалиций с участием «Северной лиги» в Италии и *FPÖ* в Австрии, а также британской Консервативной партии, которую можно считать единственной значимой политической партией, стоящей открыто на позициях евроскептиков. Евроскептические партии входят в состав четырех более мелких групп в Европарламенте, объединяющих экологов, коммунистов и националистов, а также неприсоединившихся депутатов.

Кроме того, положение о связи уровня евроскептицизма данной политической группировки с позицией, которую она занимает в партийной системе, подтверждается также результатами примененного в анализе динамического критерия. Ибо можно заметить, что восприятие положительных и отрицательных свойств нынешнего процесса европейской интеграции меняется в зависимости от позиции данной политической группировки в партийной системе. Прямо говоря, уровень евроскептицизма партии увеличивается в том случае, когда она превращается из правящей партии в оппозиционную или же из оппозиционной в партию маргинального характера.

И наоборот — евроскептицизм значительно уменьшается, достигая максимальной диффузности, когда ситуация движется в обратном направлении. Примером, иллюстрирующим первый случай, может послужить венгерский «Союз молодых демократов» и чешская Гражданская демократическая партия — группировки, которые за время своего правления (1998-2002 — первая партия, 1982-1997 — вторая) поддержали решение о вступлении в Европейский союз. Однако когда эти партии оказались в оппозиции, они начали все более активно выражать свое недовольство вплоть до того, что лидера последней партии, Вацлава Клауса, не без оснований назвали сторонником евроскептицизма²³. Примером второго рода может служить группа старых стран-членов ЕС. Здесь можно назвать, например, партию *Alianza Nacional*, являющуюся преемницей *MSI*, которая с тех пор, когда в ее состав вошли люди Берлускони, начала демонстрировать свою исторически оправданную, хотя не совсем связную, концепцию европеизма. Сходная ситуация имела место в социалистической фракции, в новых странах-членах ЕС. Эти партии в подавляющем большинстве берут свое начало от коммунистических партий, которые в результате процесса трансформации системы превратились в социал-демократические партии и оставили свое традиционно оппозиционное отношение к «Европе коммерсантов», становясь главным защитником европеизма. Благодаря этому им удалось получить на европейской арене одобрение со стороны социал-демократических партий и сохранить поддержку в своей родной стране. В качестве примера можно привести Польшу и Венгрию.

²³ Позиция В. Клауса рассматривается в ряде публикаций материалов конференции и газетных статьях: *European Union and Its Enlargement, Euroinvest Conference, Brussels 20.09.2001, The Eurodebate Today: Liberalizing the European Continent or Re-Regulating It?*, Humboldt-Universität, Berlin 18.01.2002, и *We Should Make a Different EU*. См. также *on line www.klaus.cz*, его книги: *Renaissance: The Rebirth of Liberty in the Heart of Europe*, Cato Institute, 1997, и *On the Road to Democracy: The Czech Republic from Communism to Free Society*; National Center for Policy Analysis, 2005, а также его интервью *10 Questions for Václav Klaus // Time*, 21.03.2005, p. 4 и *V. Klaus, Why Europe must reject centralization // Financial Times*, 30.08.2005.

Не подлежит сомнению, что проведенные в Испании, Франции, Бельгии и Люксембурге референдумы по ратификации Конституционного договора ЕС показали «расторжение брака» между гражданами и политическими партиями. Не обращая внимания на окончательный результат, во всех случаях мы имеем дело с высоким процентом голосов против Евроконституции, причем более высоким, чем ожидалось бы, если только учесть позиции по этому вопросу, выраженные политическими партиями во время парламентских дебатов, а также поддержку избирателей для каждой из них. Например, процент голосов «против» в Испании в референдуме 20 февраля был в три раза меньше (17,2%), чем во время парламентского голосования (19 голосов — «против», 311 голосов — «за»). Следует добавить, что в трех остальных референдумах количество голосов «против» составило соответственно 54,6%, 61,7% и 43,4%, несмотря на то, что данная позиция демонстрировалась исключительно группировками маргинального характера или же, в лучшем случае, партиями, играющими второстепенную роль в национальном политическом спектре. Несомненно, возникновение столь глубоких разногласий между партиями и обществом, которые были обнаружены в результате проведенных ратификационных референдумов, отразилось существенным образом на легитимности процедур, связанных с парламентской ратификацией Конституционного договора, проведенной до сих пор в десяти странах Европейского союза.

Эти разногласия можно объяснить лишь тем, что появились важные группы, формирующие общественное мнение, которые отрицают еврооптимизм, доминирующий среди главных партий в политической системе. Кстати, это положение подтвердилось результатами исследования общественного мнения. Против Конституционного договора проголосовало 19% избирателей *UMP* и *UDF*, 61% избирателей *PSF* во Франции, 47% избирателей *CDA* и 63% избирателей *PvdA* в Голландии, несмотря на то, что их политические группировки

призывали голосовать «за»²⁴. Как выяснилось, именно этот европейский вопрос привел к глубокому разделению многих влиятельных партий в Европе, которое оказалось особенно драматичным для Франции.

Наглядным примером того, что евроскептическая позиция усиливается по мере приближения к завершению интеграции в рамках структур ЕС, является опыт посткоммунистических стран Европы. Несомненно, опыт прежних этапов расширения ЕС и, в первую очередь, присоединение Испании и Португалии в восьмидесятые годы, могут стать дополнительным и весьма важным источником размышлений.

В более длительной временной перспективе европейская интеграция представляется часто как утопическое «светлое будущее», счастливый финал и одна из важнейших целей народа. Подводить итоги интеграции, учитывая все плюсы и минусы, можно лишь тогда, когда эта цель появится на горизонте. Одновременно с ней появляются и общественные группы, которым интеграция принесла потери или минимальную пользу, и поэтому все более привлекательной и убедительной становится для них риторика евроскептицизма. В окончательном результате, когда цель интеграции будет полностью достигнута и страна-кандидат станет совершенно полноправным членом Евросоюза, появится возможность осуществлять более комплексную и эффективную защиту своих собственных интересов. Это повлечет за собой расширение

²⁴ *European Commission: Flash Eurobarometer 168: European Constitution. Post Referendum Survey in Spain*, on-line en http://www.europarl.eu.int/press/Eurobarometer/index_en.htm, p. 16; *Flash Eurobarometer 171...*, p. 13. Что касается Испании, то особого внимания заслуживает факт удивительной дисциплинированности избирателей *PSOE*, 93% которых проголосовало за ратификацию Конституционного договора (голос «за» обозначал не только поддержку Конституционного договора, он служил также консолидации только что сформировавшегося правительства Хосе Луиса Родригеса Сапатеро). Следует также отметить, что, вопреки официальной позиции своей политической группы, 1/3 электората коалиции *Izquierda Unida* проголосовала за Конституционный договор ЕС. Шире об этом см.: J. Font, *¿Voto por contenidos o voto por consignas?: algunas razones del voto ante el referéndum del 20 de febrero*, *Análisis del Real Instituto Elcano*, 2005, № 66.

пространства для выражения критических позиций отдельных политических партий.

Как упоминалось выше, данное положение основано на опыте стран посткоммунистической Европы. Поддержку позиции евроскептиков в новых странах-членах ЕС следует признать в значительной мере новым явлением, которое отсутствовало еще 10 лет назад, когда только начинался процесс демократизации. В то время «возвращение в Европу», т. е. преодоление последствий установленного в Ялте раздела континента, интеграция с Западной Европой политических, экономических и оборонных структур, а также требования большей свободы и признание прав национальных меньшинств, - все это стало движущей силой перемен в системе. При этом изменений настолько существенных, что только немногие интеллектуалы-утописты и реакционеры-коммунисты еще читали мораль по поводу злодейской «Европы торговцев». С завершением очередных этапов процесса интеграции все более заметной стала экономическая и политическая цена интеграции, и вместе с ней появилась тотальная критика²⁵, которая усиливалась все больше, по мере того как интеграция становилась обязательным и неотвратимым процессом. Эти новые направления приобретали все большую популярность и вместе с ней поддержку, о чем речь пойдет ниже. Следует, однако, добавить, что евроскептицизм сохраняет свою привлекательность лишь в том случае, если не угрожает существованию и развитию Евросоюза. Главная цель евроскептицизма — укрепить свои позиции в политических и экономических структурах Европейского союза. Известны также крайние случаи, их целью является доведение европейских структур до состояния неработоспособности или же добровольное отстранение от них. Ана Бесерро, изучавшая

²⁵ См. результаты опросов общественного мнения, финансируемых Европейской комиссией и проведенных в последние годы центром *Central European Opinion Research Group [CEORG] Foundation, on line en www.ceorgeurope.org*. См. также более раннее исследование: J. Stankovsky, F. Plasser, P.A. Ulram, *On the Eve of EU Enlargement, Attitudes in East and Central Europe*, Signum Verlag, Vienna, 1998.

вопрос европейской интеграции в Восточной Европе в конце 90-х гг., закончила свою работу на оптимистической ноте: «Рисуется положительный и даже очень положительный образ Европейского союза в этом регионе и его оценка обществом; интерес к евросоюзным проблемам — очень высокий, ожидания на будущее всегда связываются с планом, элементом которого является Евросоюз»²⁶. В настоящее время, несомненно, положение во многом изменилось.

Все представленные выше факты находят свое отражение в системе партий в странах-новичках, в которых новообразованные партии по-прежнему выступают под знаменем евроскептицизма (например, «Новая Словения», основанная в 2000 г.; «Лига польских семей» и «Право и справедливость», основанные в 2001 г.; чешские «Независимые демократы» - в 2004 г.). В целом сходная ситуация наблюдается и среди партий, которые до недавнего времени имели маргинальный характер (показательным является пример партии чешских коммунистов, которая с 1998 г. по сегодняшний день вдвое увеличила количество полученных голосов), а также тех партий, которые медленно сдвинулись с собственно еврооптимистической позиции в сторону намного более критической (например, словенские христианские демократы, венгерские молодые демократы и польские «народники»). Во всех указанных примерах евроскептические позиции занимают партии, которые возникли недавно и/или с недавних пор являются политически значимыми. Крайне редко евроскептические настроения демонстрируют значимые политические партии со сложившейся многолетней традицией. Кроме того, тезис, который мы поддерживаем, подтверждается также результатами анализа партийной системы в Болгарии и Румынии, т. е. в странах, менее продвинутых в процессе интеграции, в которых пока отсутствуют партии евроскептиков. По результатам исследования общественного мнения, евроскептические

²⁶ A. Becerro, *Europa Central y Oriental: Identidad europea y actitud hacia la integración en la Unión Europea* // C. Flores Juberías (ed.): *Estudios sobre la Europa Oriental*, Universitat de València, València 2002, s. 381.

настроения в обществе составляют очень низкий процент всего населения. Можно даже предположительно констатировать, что объем расходов на реализацию интеграции в обеих странах пока еще не осознается или же они считаются не столь значительными, чтобы привести к образованию консолидированной оппозиции. Как в Болгарии, так и в Румынии все еще не сложилось убеждение, что процесс интеграции в рамках европейских структур имеет неотвратимый характер; такое убеждение — как уже отмечалось выше — является фундаментом развития евроскептицизма.

Опыт, полученный странами-членами пятого расширения ЕС не идет ни в какое сравнение с опытом «южного расширения», которое происходило в 80-е гг. Ни очередные этапы переговоров с ЕС и первый период участия в евросоюзных структурах, ни нынешний кризис в Европейском союзе не привели в Португалии и Испании к возникновению евроскептических позиций. Европейская интеграция в обеих странах подвергалась критике со стороны левых группировок — прежде всего коалициями, исторически связанными с коммунистической партией, — и касалась оценки общественных затрат процесса интеграции. В отдельных случаях с критикой выступали и некоторые националистические партии из Каталонии и Страны Басков. Несмотря на сложный процесс структурных преобразований, необходимых в связи с присоединением к ЕС, Португалию и Испанию с самого начала следует отнести к группе еврооптимистов. Поэтому, анализируя новые страны-члены ЕС, причины роста евроскептических настроений нельзя усматривать лишь во временных факторах. Точно такую же роль играют и другие факторы, такие, как консолидированная партийная система, нестабильное общественное мнение, особенно чувствительное отношение ко всем явлениям, которые могут угрожать вновь обретенному национальному суверенитету, глубокий экономический кризис.

С точки зрения количественной характеристики «жесткий» евроскептицизм (антиевропеизм) по сравнению с «мягким» играет менее существенную роль (по крайней мере, в

отношении 10 новых стран-членов ЕС), что не удивляет, если иметь в виду данные, представленные нами в таблице № 1.

Причины такой ситуации можно толковать по-разному. Во-первых, антиевропеизм, который — напомним — мы понимаем как открыто оппозиционное отношение к расширению или членству своей страны в ЕС, — это намного более радикальная позиция, чем евроскептическая. Евроскептицизм, который заключается в критике способов реализации процесса интеграции в Европе, не поднимает вопрос о расторжении Европейского союза или об уходе своего государства из его структур. Кроме того, наиболее радикальные позиции критиков Евросоюза получают — по сравнению с умеренными — более скромную поддержку избирателей. Евроскептицизм *sensu stricto* допускает также в значительно большей степени, чем политика, пропагандирующая уход из структур ЕС, разнообразие форм поведения, включая весь реестр идеологических и стратегических ориентаций. По этим причинам он может получить более значительную поддержку, чем антиевропейский максимализм. Немногие представители евроскептиков стали бы отрицать факт положительного влияния интеграции во всех странах-членах ЕС на укрепление политической стабильности, рост экономического развития, совершенствование качества демократии и защиту человеческих прав. Большинство политиков охотно согласятся, что критика нынешнего процесса интеграции в Европе должна быть направлена на улучшение позиции, которую занимает данная политическая группировка в структуре ЕС, и отнюдь не на ликвидацию Евросоюза или полное отстранение от его структур.

В связи с вышесказанным следует отметить, что оценка евроскептицизма оказывается для нас вовсе не простой вещью. Если сравнительно легко можно определить «жесткий» евроскептицизм или антиевропеизм, то «мягкий» евроскептицизм с наибольшим трудом поддается описанию. Неизвестны пока показатели, к которым можно было бы относиться с полным доверием. Например, нет типологии вопросов и четких ответов на них всех европейских партий, на основании которых

можно было бы отделить европеистов от евроскептиков. Кроме того, на протяжении длительного времени политические партии не придерживаются одних и тех же позиций, нередко самые различные мнения на одну и ту же тему высказываются лидерами партии, их партийным базисом и избирателями. В этом контексте стоит также отметить отсутствие координации между голосованиями в парламенте и программными основами данной политической партии. Поводя итоги, можно сказать, что линия, отделяющая европеизм от евроскептицизма, не обозначена с достаточной четкостью, поэтому она часто пересекается с обеих сторон. Именно по этой причине попытки классифицировать и оценить данный феномен зачастую заканчиваются неудачей и вызывают критику.

Наиболее уязвимым элементом в шести тезисах Таггарта и Щербяка, как признают сами авторы, является положение о том, что в странах, которые вновь обрели независимость, в значительно большей степени проявляются позиции евроскептиков, чем в странах с длительной традицией суверенного государственного развития. На первый взгляд, эта идея кажется очень заманчивой. На международной арене государства с длительной традицией суверенного развития отличаются якобы большей степенью консолидации, в рамках системы они входят в более полном объеме в сеть взаимосвязей, взаимоотношений и соглашений, а также обладают более однородным, сплоченным народным сознанием. Поэтому они способны включаться в процесс наднациональной интеграции (какой в сущности является европейская интеграция), не рискуя при этом потерей собственной культуры, суверенитета или независимости. В странах с менее сплоченной этнической идентичностью или находящихся на этапе переговоров такой сложный процесс может вызвать подозрения и послужить основанием для его отклонения.

Однако к несчастью для самой теории, факты не подтверждают этого заманчивого положения. Три европейские страны, в которых процент несогласия с нынешним направлением интеграции в ЕС достиг самых высоких показателей, —

это Великобритания, Чехия и Польша²⁷. Среди них только Чехию можно отнести к новообразованным государствам; кроме того, пример Чехии мало пригоден ввиду специфики чешского евроскептицизма, основанного на ультралиберальных и левых позициях и не связанного с восстановлением национализма. Здесь следует добавить, что чехи, по всей вероятности, - это один из наименее националистических народов во всей Центральной Европе. С другой стороны, Чешская Республика, которая образовалась 1 января 1993 г., является — по мнению многих — законной преемницей Чехословакии, возникшей в 1918 г., а не новым европейским народом²⁸. Рассматривая феномен евроскептицизма с количественной точки зрения в остальных пяти странах ЕС, образованных в течение последнего десятилетия — в Эстонии, Литве, Латвии, Словении и Словакии, следует отметить, что партии евроскептического толка получают также значительную поддержку избирателей, хотя не такую сильную, как в остальных странах-новичках.

Все посткоммунистические страны — и те, которые получили формальное признание своей суверенности, и те, которые добились ее в результате распада СССР, Чехословакии и Югославии, — после исчезновения коммунистической системы обрели вновь способность принимать решения о своем будущем. Исходя из этого, целесообразно, пожалуй, было бы считать эти государства новообразованными. И поэтому, по всей видимости, после присоединения к наднациональным

²⁷ Если принять за критерий позицию новоизбранных европарламентариев по отношению к Конституционному договору, следует отметить, что самое большое количество голосов против проекта отдали соответственно представители: Великобритании — 41, Польши — 19, Чехии — 15, Франции — 11, Италии — 9. Стоит здесь упомянуть и Швецию, в которой 7 евродепутатов из общего числа 19 проголосовало «против».

²⁸ Подробнее на тему Чехии см.: С. Flores Juberías, *Actitudes políticas...*; S. Riishøj, *Europeanisation and Euro-scepticism...*; P. Kopecky, P. Ucen, *Return to Europe? Patterns of Euroscepticism Among Czech and Slovak Political parties*, European University Institute, Florencia 1998; S. Hanley, *Party Institutionalisation and Centre Right Euroscepticism: The Case of the Civic Democratic Party in the Czech Republic*, конференция, проходившая во время ECPR Joint Sessions of Workshops, Turin, 22-27.03. 2002.

структурам все эти страны с большим недоверием относятся к каким бы то ни было попыткам ограничения их права принимать решения. Следовательно, высокий уровень евроскептицизма связан не столько с отсутствием национального самосознания или воображаемой опасностью, сколько с защитой вновь обретенной государственной суверенности.

Наблюдения и постулаты

Среди богатой литературы, посвященной теме евроскептицизма, многие публикации — включая и настоящую работу — основаны не столько на строгом изложении фактов и цифр (которых, впрочем, зачастую просто нет), сколько на интуиции автора. Поэтому изучение причин евроскептицизма, факторов, стимулирующих его рост и распространение, а также динамики этого феномена по-прежнему остается актуальной и нерешенной научной проблемой.

Несомненно, данная тема нуждается в быстром проведении ряда исследований, ибо евроскептицизм никак нельзя считать преходящим феноменом. За последние десятилетия процесс интеграции в ЕС ускорил свои темпы и расширил сферу охвата. В результате Европейский союз из группы шести стран, которые в 50-е гг. начали вести общую политику в угольной и металлургической областях, превратился в сообщество 25-и стран, объединенных общей системой ценностей, принципов, правовых норм и институтов, валютой и даже общей внешней политикой. Возможность появления разногласий по формальным вопросам и во взглядах постоянно увеличивается по мере расширения ЕС, а также в связи с ростом той группы, которая считает, что ее национальная идентичность, экономические интересы или собственные концепции, имеющие отношение к политике и правлению, полностью не учитываются или же недостаточно представляются в рамках Европейского союза. Это и создает идеальные условия для развития евроскептицизма; причины же, легшие в его основу, вероятно, не исчезнут в ближайшем будущем, они могут еще более усиливаться.

Как уже отмечалось вначале, стратегия отрицания, преуменьшения, нападения или дискредитации евроскептических позиций не привели и не приведут к устранению данной проблемы. В результате применения этих стратегий мы можем оказаться беспомощными перед углубляющимися расхождениями, которые уже достаточно четко проявляются на европейской политической сцене и среди европейского общества. Поэтому неотложным делом является анализ и объяснение сущности данного понятия. Только в таком случае граждане ЕС смогут решить, следует ли им (и в какой степени) принять и одобрить это явление или же попытаться сопоставить себя с ним.

Таблица 1.
Доля евроскептиков среди избирателей в новых странах-членах ЕС
результаты выборов в Европарламент в 2004 г.

Страна	Партия	AE	EE	Nac	ULib	Pop	Голоса	Мандаты	Группа
Кипр	Прогрессивная партия трудящихся (AKEL)	4				4	27.9	2	IUE
Чехия	Гражданская демократическая партия (ODS)		4		4		30.0	9	PPE
	Коммунистическая партия Чехии и Моравии (KSCM)	4				4	20.3	6	IUE
	Независимые демократы (Nezavisli)		4		4		8.2	2	IND
	Блок правых (PB)	4		4			1.1	-	-
Эстония	Партия центра (ЕК)	4			4		17.5	1	ALDE
	Народный союз Эстонии (Rahvaliid)		4	4			8.0	-	-
Litwa	Союз либералов и центра (LCS)						11.2	2	ALDE
	Литовская крестьянская партия – Партия новой демократии (VNDPS)						7.4	1	UEN
Латвия	Отечество и Свобода – Народная консервативная партия (TB/LNNK)		4	4			29.8	4	UEN
Мальта	Мальтийская партия труда (MLP)	4				4	48.4	3	IUE

Страна	Партия	АЕ	ЕЕ	Нас	ULib	Pop	Голоса	Мандаты	Группа
Польша	Лига польских семей (LPR)	4		4			15.9	10	IND
	Право и справедливость (PiS)		4	4			12.7	7	UEN
	Самооборона	4		4			10.8	6	NI
	Польская народная партия (PSL)		4	4			6.3	4	PPE
Словакия	Движение за демократическую Словакию (HZDS)		4	4			17.0	3	NI
	Христианско-демократическое движение (KDH)		4	4			16.2	3	PPE
	Коммунистическая партия Словакии (KSS)	4				4	4.5	-	-
	Словацкая народная партия (SNS)	4		4			2.0	-	-
Словения	Новая Словения (NSi)		4		4		23.6	2	PPE
	Словенская народная партия (SNS)		4	4			5.0	-	-
	Наша Словения (SjN)						4.1	-	-
Венгрия	Венгерская гражданская партия (FIDES)		4	4				12	PPE
	Партия справедливости и жизни (MIÉP)	4		4			2.3	-	-
	Рабочая партия (MP)	4				4	1.8	-	-

Источник: авторская разработка на основании статистических данных, полученных из официальных источников (Словакия: *Informačný servis Štatistický úrad Slovenskej republiky*, Венгрия: *Országos Választási Iroda*, Чехия: *Česká republika Státní volební komise*, и т. д.). В таблице представлены лишь группировки, которые получили по меньшей мере 1% голосов. Принятые сокращения: АЕ: антиевропейцы, ЕЕ: евроскептики, Нас: националисты, ULib: ультралибералы; Pop: левые популисты, PPE-DE: Европейская народная партия/Европейские демократы, PSE: Европейская социалистическая партия, ALDE: Альянс либеральных демократов Европы, Зеленые/ALE: Зеленые/Европейский свободный альянс, IUE/IVN: Европейские объединенные левые/Зеленые левые Северной Европы, IND/DEM: группа Независимость/Демократия, UEN: Союз за Европу наций, NI: неприсоединившиеся.

Таблица 2.
 Результаты референдумов в новых странах-членах
 по ратификации договора о вступлении в ЕС

Дата референдума	Страна	Явка избирателей	%	«за»	%	«против»	%
08.03.03	Мальта	270.650	91	143.094	53'65	123.628	46'35
23.03.03	Словения	970.422	60'29	864.542	89'61	100.229	10'39
12.04.03	Венгрия	3.669.252	45'62	3.056.027	83'76	592.690	16'24
10-11.05.03	Литва	1.672.317	63'37	1.504.246	91'70	147.527	08'93
16-17.05.03	Словакия	2.176.990	52'15	2.012.870	93'71	135.031	06'29
07-08.06.03	Польша	17.578.818	58'85	13.516.612	77'45	3.936.012	22'55
15-16.06.03	Чехия	4.557.960	55'21	3.446.758	77'33	1.010.448	22'67
14.09.03	Эстония	555.835	64'06	369.657	66'83	183.454	33'17
20.09.03	Латвия	1.007.351	72'50	674.562	67'00	325.692	32'30

Источник:

http://europa.eu.int/comm/enlargement/negotiations/accesion_process.htm.